ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

МИР ПИСАТЕЛЯ

Пусть говорят поэты!

Александр ДОНСКИХ

Обращение к участникам X юбилейного германо-российского Фестиваля

По сердцу, мне хочется сказать вам просто: "Братья и сёстры, здравствуйте". Но в современном мире принято *по уму* иметь дело с другим человеком, и я говорю: "Дамы и господа". Однако в сердце моём вы братья и сёстры мои, потому что по-другому русский человек жить не может и не хочет. И уж коли я заговорил о русских, то вкраплю маленькое пояснение: русский, давно сказано и благодатно пошло по свету, – это не национальность, а это состояние души. Как недавно пояснил глава Чеченской республики Рамзан Ахматович Кадыров: "Я – русский. Чеченской национальности", так и многие из вас, собравшихся на наш ежегодный, уже 10-й, Форум германо-российской дружбы, думается, могут сказать: "Я – русский", а про себя или деликатно-тихонечно прискажет: такой-то национальности.

О взаимоотношениях между государствами и народами весь XX-й и нынешний век отчего-то много и громко, порой *оченно* громко, как рычание царя зверей, говорят-вещают политики, особенно всевозможного рода-звания депутаты, а с ними в компашке – разношёрстные ватаги газетчиков. Может быть, им кажется, что они лучше знают нашу с вами жизнь с её семейными, глубоко личными маленькими и большими горестями-радостями? Порой такими расшвыриваются словечками, что у нас, простых граждан, как говорится, волосы шевелятся. И думаем мы думку: "Ну, чего они к нам прицепились? Вот банные листы!..". Но "банные листы" – сие выпадает на нашу скромную долю, конечно же, в лучшем случае.

Однако, где же правда, как у нас говорят, правда-матка? Как её распознать, не пройти мимо неё, не впасть в искушение? Русские пословицы учат: мир правдой держится; ржа ест железо, а ложь – душу. Или так: шила в мешке не утаишь. И уже на высшем накале: за правду-матку и умереть сладко. Несомненно, что любой народ чтит правду. И правда, уверен, всегда таится в сердце человека, даже самого плохонького из нас. А кто, скажите, издревле главные на земле сердцеведы и правдолюбцы? Конечно же, поэты! Так давайте хотя бы изредка прислушиваться к нашим пиитам, этим ведунам и певцам тайной и явной жизни душ человеческих, а не только к политикам и газетчикам. У настоящего поэта есть одна выгода – распахнуть перед нами своё сердце. А что надо политику и газетчику? Да сам чёрт их не разберёт! Впрочем, как написано в Библии: "Каждому – своё". Или: "Не суди, да не судим будешь".

Мне недавно попалась на глаза потрясающая и, к сожалению, малоизвестная переписка трёх выдающихся поэтов XX века – Райнера Марии Рильке с Мариной Цветаевой и Борисом Пастернаком. Они недолго, к тому же так и не встретившись друг с другом вживе, слали друг другу письма – несколько месяцев 1926 года, до безвременной, отчаянно несправедливой кончины пятидесятиоднолетнего Рильке.

Известно, что Рильке знал и любил Россию, даже освоил русский язык и да-же, кажется, что-то писал на нём поэтическое. Впервые поэт прибыл в Россию в апреле 1899 года, и уже через несколько дней воскликнул: "Вот она,

страна незавершённого Бога!". Те дни в Москве царила Страстная неделя широкой русской Пасхи. Протяжные звоны благовестников, призывающие к молитве, переклики перезвонов малых колоколов о скорби или радости, завораживающие своей красотой, но и суровостью молебны, толпы паломников разных сословий и званий, иконы, иконы, и одна чудеснее и древлее другой, а ещё – свечи, ладан, рясы, крестные знамения, точёные ангельские голоса с клироса, – всё захватывающе и чарующе ново, красочно, самородно. А храмов, церквей и церквушек – не счесть! И как они прекрасны, ни на что не похожие, но в то же время – скромны и безмятежны! Поэт ненасытно глотал воздух какой-то необыкновенной, стародавней, кондовой жизни, не уступающей дороги надвигающемуся железному веку. Двадцатитрёхлетний, но сердцем ещё мальчик Райнер был потрясён, он был счастлив, он блаженствовал. "Впервые в жизни мной овладело невыразимое чувство, похожее на "чувство родины"…", – признавался он позже. Но поэт, конечно же, не мог не заметить половодье нищих, неустроенность быта русской жизни, какое-то старческо-младенческое невежество народа, боготворящего своего царя-батюшку, и невежественность закоснелого чиновничества. Однако все эти и многие другие несовершенства и несообразности он, чистая, отроческая, поэтичная душа, воспринимал как неоспоримые, непреложные свидетельства духовно-нравственной "избранности" русских людей. И Россию ощутил, невольно сравнивая её с "перезрелой" западной культурой, молодой, здоровой, но скромной красавицей.

Борис Пастернак и Марина Цветаева с малолетства, как в тёплое озеро, окунались с головой в немецкую культуру. Марина благоговейно почитала немецкий язык, немецкую романтическую поэзию и музыку.

Уезжая в начале Великой Отечественной войны из прифронтовой Москвы, навстречу, как потом оказалось, своей трагической гибели, она выделила из своего архива лишь пакет с письмами Рильке, его фотографиями и книгами с его щедрыми дарственными росчерками. В тот же пакет были вложены одиннадцать писем Бориса Пастернака. Передала их в надёжные руки и уехала в эвакуацию в Елабугу, к своим последним дням на земле. Она, были приметы, уже знала, что жизнь её закончилась, но письма Рильке и Пастернака, был очевидный посыл всем нам, должны жить с людьми вечно.

В начале 1926 года Рильке писал художнику Леониду Пастернаку, отцу Бориса Пастернака, кажется, в Берлин: "Я хочу Вас сразу же заверить, что Вы и Ваши близкие, всё, что касается старой России (незабываемая таинственная сказка), всё то, о чем Вы мне напомнили Вашим письмом, – всё это осталось для меня родным, дорогим, святым и навечно легло в основание моей жизни! Да, всем нам пришлось пережить немало перемен и прежде всего – Вашей стране. Но если нам и не суждено дожить до её возрождения, то потому лишь, что глубинная, исконная, вечно претерпевающая Россия вернулась ныне к своим потаённым корням, как это было уже с ней однажды под игом татарщины; кто усомнится в том, что она *живёт* и, объятая темнотой, незримо и медленно, в святой своей неторопливости, собирается с силами для какого-нибудь ещё, быть может, далёкого будущего? Ваше изгнание, изгнание многих бесконечно преданных ей людей питается этим подготовлением, которое протекает в известной мере подспудно; и подобно тому как исконная Россия ушла под землю, скрылась в земле, так и все Вы покинули её лишь для того, чтобы хранить ей верность сейчас, когда она затаилась…".

В этом же письме он похвалил Бориса Пастернака.

"Великий обожаемый поэт! – словно задыхаясь, выкликивал из Москвы в письме к Рильке остававшийся юным к своим тридцати шести годам Борис Пастернак. – ...Я обязан Вам основными чертами моего характера, всем складом духовной жизни. Они созданы Вами. Я говорю с Вами, как говорят о давно прошедшем, которое впоследствии считают истоком происходящего, словно оно взяло оттуда свое начало. Я вне себя от радости, что стал Вам известен как поэт, – мне так же трудно представить себе это, как если бы речь шла о Пушкине или Эсхиле…". И тут же – фейерверком чувств как в небеса: "Я люблю Вас так, как поэзия может и должна быть любима, как живая культура славит свои вершины, радуется им и существует ими. Я люблю Вас и могу гордиться тем, что Вас не унизит ни моя любовь, ни любовь моего самого большого и, вероятно, единственного друга Марины, о которой я уже упоминал…". И ещё где-то сияют, только что не прожигают бумагу, вот такие строки: "Чувство невообразимости такого сцепления судеб, своей щемящей невозможностью пронизывающего меня, когда я пишу эти строки, не поддается выражению…".

Кажется, в эти же дни Райнер и Марина обменялись первыми письмами. Он выслал ей из швейцарского Вальмона во французский Сен Жиль-сюр-Ви свою книгу – "Дуинезские элегии", с надписью:

Касаемся друг друга. Чем? Крылами.
Издалека своё ведём родство.
Поэт один. И тот, кто нёс его,
Встречается с несущим временами.

В ответ потрясённая, воскрылённая Марина пишет, как будто летит… О! послушайте, други, музыку слов и культур:

"Райнер Мария Рильке!

... Вы не самый мой любимый поэт ("*самый* любимый" – степень), Вы – явление природы, которое не может быть моим и которое не любишь, а ощущаешь всем существом, или (еще не всё!) Вы – воплощённая пятая стихия: сама по-эзия, или (ещё не всё) Вы – то, из чего рождается поэзия и что больше её самой – Вас. Речь идет не о человеке-Рильке (человек – то, на что мы осуждены!), – а о духе-Рильке, который ещё больше поэта и который, собственно, и называется для меня Рильке – Рильке из послезавтра.

... Вы – неодолимая задача для будущих поэтов. Поэт, что придёт после Вас, должен быть *Вами*, т.е. Вы должны ещё раз родиться…".

И ещё в этом или в каком-то другом письме – как россыпь драгоценностей,

всемилостиво брошенных царицей поэзии всем нам: "Вы всегда будете воспринимать меня как русскую, я же Вас – как чисто-человеческое (божественное) явление. В этом сложность нашей слишком своеобразной нации: всё что в нас – наше Я, европейцы считают "русским"…". И в каких-то учёных текстах какого-то доктора наук мне отыскалось сокровенное и потаённое: "Когда я говорю тебе, Райнер, что я – твоя Россия, я говорю тебе лишь (ещё раз), что люблю тебя. Любовь живёт исключениями, обособлениями, отстранениями. Она живёт в словах и умирает в поступках. Стремиться быть твоей Россией в действительности – для этого я слишком умна!..".

Под Новый год, под этот праздник жизни Рильке умирает. И о Борисе и Марине сказать, что они потеряли дорого человека – ни-че-го (!) не сказать. Они потеряли Солнце, они потеряли Вселенную всю. Как жить, как жить в обрушившейся на них тьме жизни и судьбы?! "Борис, – неразборчиво, как слепая, пишет Марина Пастернаку, – он умер 30-го декабря, не 31-го. Ещё один жизненный промах. Последняя мелкая мстительность жизни – поэту…".

...Спустя годы, мало-мало оправившись, Марина стала обдумывать несколько замыслов, которые были связаны с жизнеописанием возлюбленного поэта. Но задумка Марины о книге "Россия в Рильке" на французском языке не была воплощена, потому что Марина тоже рано и отчаянно несправедливо ушла из жизни: наверное, неспроста она когда-то написала умершему Рильке – "я захочу к тебе – захочу туда". А может быть, душа поэта не вынесла, что *её* Германию и что *её* Россию снова столкнули лоб в лоб в мировой бойне? Мы можем только гадать.

Так что же книга, задуманная Мариной? Смею сообщить вам, что эта *ненаписанная* книга всё же существует! Существует с той поры, когда Рильке, Марина и Борис обменялись первыми строками. Сама жизнь написала эту книгу – книгу культур, книгу жизней, книгу судеб. Думается, есть книги, которым не надо ни бумажной, ни иного другого рода оболочек, потому что они уже живут и в национальных культурах, и в культурах народов мира; и задуманная Мариной книга – именно такая книга. И если бы даже до нас не дошли письма Рильке, Цветаевой и Пастернака друг к другу, мы всё равно увидели бы, распознали быв их произведениях их взаимную и страстную любовь друг к другу, мы распознали бы – и распознали! – их взаимный и страстный призыв ко всем нам.

Смотрите, в этих трёх поэтах как-то предельно гармонично, природно, судьбоносно переплелись три, по крайней мере отчётливо видимые, культуры – немецкая, русская, французская. И, скажите, где в этом сплетении, в этой изысканной вязи начинается одна, а заканчивается другая? Не прищуривайтесь, не напрягайтесь – не заметите! Потому что в людях высокой духовной жизни все культуры мира, то есть всё добро мира, – в единстве. Культуры притягиваются в лучших людях человечества друг к другу, единятся, при этом не утрачивая ни на грош изначального своеобразия, магнетизма, масштабности. И пример этих трёх глубоко и ярко *национальных* поэтов – пример для нас к тому, как можно было бы и как нужно образовывать, обустраивать и длить для других поколений свою жизни. Как лично свою жизнь, так и общественную, государственную, а то и межгосударственную.

Мы интересны друг для другу прежде всего потому, что мы разные. Но в современном мире буйствуют стихии, стремящиеся перемешать всё и вся, чтобы, возможно, Восток стал походить на Запад, а Запад – на Восток. Это путь к однообразию, бесцветности, безликости нашей жизни. Не дай, Святый, нарушиться природному, богодарованному строю мира людей, соединиться востоку и западу друг с другом! Не будет на нашей прекрасной Земле ни рассветов, ни закатов, а – либо тьма кромешная, либо жар адов.

Незадолго до ухода Рильке посвятил Марине Цветаевой стихотворение:

О утраты вселенной,
Марина, звёздная россыпь!
Мы не умножим её,
куда мы ни кинься, к любому
в руки созвездью.
А в общем-то, всё сочтено.
Падая, тоже святого числа
не уменьшить.
И исцеление нам
есть в безнадёжном прыжке…

Может быть, стоит нам хотя бы изредка, хотя бы мельком оборачиваться мыслью к Вечности, поднимать голову к звёздам, когда хотим исторгнуть из себя худое слово? А словом, как известно, можно и убить.

Разумные, причастные к высотам своих национальных культур люди должны искать другие слова – слова поддержки и дружества. Может быть, тихим гимном наших встреч на много претерпевшей, но терпеливой, трудолюбивой, доброжелательной немецкой земле-объединительнице могут стать слова Булата Окуджавы?

Как вожделенно жаждет век
Нащупать брешь у нас в цепочке,
Возьмёмся за руки, друзья,
Возьмёмся за руки, друзья,
Чтоб не пропасть поодиночке.

Пять русских мифов

Владимир ЛИЧУТИН

Беседует Алексей Шорохов

О самых жгучих мифологемах современности: "антисемитизме русского народа", идеологии паука-процентщика, "загадке Путина" и естественных пределах Русского мира – пространственных и исторических. Самое обширное интервью писателя за последние годы.

А.Ш.: *Владимир Владимирович, можно сразу и без околичностей спросить – о чём сегодня молчит писатель Владимир Личутин? Уже давным-давно записанный в нелюбители семитских народов, арабов, например ("антисемит") и в нелюбители оффшорных спасителей Отечества ("нестяжатель")? Что сегодня он не может (боится) сказать?*

В.Л.: Многое сказано за сорок лет "протирания штанов". Слышащий да услышит и, кое что из моих досужих мыслей растеклось по Руси и было воспринято читателем и оказалось, увы, верным. И многое, о чём нынче судачат "властители дум", было сказано ещё лет тридцать-сорок назад в научение и остережение.

Было время скапливать знания, пришло время отсеивать их через мелкое сито и забывать. И тут обнаружилось, что "я знаю лишь то, что ничего не знаю". И не молчу я, отнюдь (хотя и пора бы), но всё в современном мире живёт повторением, пустоговорением и не переходит в практику; запущена в государстве машина насилия, сепаратор по "переливанию из пустого в порожнее" с нулевым кпд, и в то время, когда платные баюнки надувают щёки, гордясь собственным умом, прохвосты и щелкопёры лихо, с небывалой наглостью обводят простой "бессмысленный" народишко вокруг пальца, глумливо похохатывая, поглаживая вечно несытое брюшишко, а нищий бредёт к помойке в поисках хлебца насущного. И снова в ходу песнь нищей братии: "И кто нас накормит, оденет и кто нас теплом обогреет?..". Мы угодили во времена великого обмана и густо сваренной жирной лжи, обволакивающей каждое добродушное мирное русское сердце. Господь попустил дьявола, и тот плотно уселся на горбину России.

Алёша, ты задал умысленный, с подковыркою, вопрос об евреях. Об этом народе я довольно много размышлял и писал. Вышли роман "Миледи Ротман", автобиографическая повесть "Путешествие в Париж". Сейчас не место распространяться. Только замечу, что русский народ никогда не был "антисемитом", таково глубинное свойство нашей души. В истории человечества русские уже неоднажды спасали евреев от уничтожения, и как бы это племя ни досаждало с необыкновенным странным упрямством, если случится новая беда, то русские снова отведут их от погибельной пропасти. И за это евреям надо быть благодарными России всевечно и незабытно, а не хулить, изрыгая из уст нечистоты русофобии, не "улыскаться" мстительно, на каждой пяди трудного пути, коварно ставя подножку, наслаждаясь страданиями ближнего. Непростительно плевать в горсть, из которой получил спасительный кусок хлеба.

Как никогда прежде поучительна мысль святых отцев: "Кому Россия не мать, тому Бог не Отец". Либералы, обожествившие своё ненасытное брюхо, плотно уселись на властные стулцы, как жуки-древоточцы, с хрустом изгрызают сук под собою, на котором сидят, вырывают последнюю корку у православного, злобно урчат: "Это моё и это тоже моё… Сначала съедим ваше, потом каждый своё". Что им Божье увещевание: "Возлюби ближнего…". Им куда ближе: "Подтолкни… помоги упасть".

Для нынешнего либерала, оседлавшего власть, крепко незалюбившего русский народ, это наставление звучит как спасительная молитва. И не понимают того, грешные, что у самих верёвка на шее, и придётся лететь в ту же пропасть и далее, в самую Потьму, откуда клятвопреступнику уже не будет исходу.

А иные готовят спасительные пути отхода. Бог, конечно, придумка для простецов и глупцов, – полагают они: но вдруг на том свете что-то действительно есть такое, отчего голова кругом? Может стоит уделить малую толику от наворованного? Любимое присловье богатого либерала: надо складывать яйца в несколько корзин. Одна из корзин – рай… В Сарове есть храм Серафима Саровского, благолепный, сияющий, подпирающий православными крестами самое небо. Входишь в притвор собора, на стене огромная тёсаная доска из белого "италийского мрамора" с благодарственной надписью золотом Анатолию

Чубайсу и, всяк входящий молитвенник, снимая шапку, невольно кланяется и отступнику Чубайсу, от одного упоминания имени которого у каждого русского вскипает от гнева сердце. Для народа Чубайс – это "исчадие адово", как император Петр Первый – антихрист, бывший президент Горбачёв – бес, управитель церкви сатаны. Это неистираемые печати, как бы ни марафетили, ни румянили, ни накрашивали "хари", клятые для русской памяти. В Дивеевском храме под Саровом подобное же признание в любви к господину Дерипаске. За денежный принос. Вы скажете: наверное, сердце не совсем зачерствело у Чубайса, призывавшего своих соплеменников к насилию: "Больше наглости!". Вот и очнулся, пришёл в ум? Ха-ха-ха!

Но наружное покаяние не цельбу приносит, а погибель.

По такому случают в ходу нынче анекдот. Один бесермен много помогал церкви, вносил богатую лепту, и думал, вот по смерти, конечно, прямая дорога в рай. Приходит час, и возносится его душа грешная к вратарю Петру: дескать, апостол, отвори дверь, впусти в рай, мол, я столько доброго на земле содеял. И давай перечислять. А Пётр ему в ответ: "Мы тебе деньги вернём". И захлопнул перед носом оконце в рай…

Россия крепко ульнула в сетях ростовщика. Дьявольский ссудный процент оказался сильнее стыда, совести, чести и самого Бога. Ростовщичество для русского человека – самое клятое ремесло, и если ты окунулся в этот мерзкий промысел, то безусловно распрощался с душою и дорога тебе одна – в ад… Меняла, процентщик – опора нынешней власти, государева элита, а президент Путин ежедень строго уверяет нас, запамятовав, видимо, о миллионах нищих и обездоленных, о растерзанной русской земле, что с либерального пути не соступит вовек, всячески обласкивая мошенника и менялу, что наживает капитал с чужого труда. Утром наш президент клянётся в любви к России, находит верные признательные слова, ставит свечку в церкви, кушает просвирку, запивая теплым винцом, лобызается с патриархом, чтобы тем же днём навешивать ордена нанавистникам России (откровенным русофобам), норовя прикупить и обласкать, привязать к себе, называя их самым "дорогим человеческим капиталом", наверное, не догадываясь, что не успеет третий петух вскрикнуть, как они предадут и растащат его имя по зарубежным торжищам. Забывает президент, что либерал служит лишь себе и "золотой кукле", а о Спасителя вытирает ноги. Как только ни охаживал Путин непутёвые семейки Ельцина и Собчака (Нарусову, Ксюшу со товарищи), клан Гайдара, Ходорковского, Абрамовича, Лужкова и т.д., уверял в вечной дружбе, и где они? – Презрев узы "товарищества", скоро сметнулись "к поганым ляхам" и вербуют в той стороне орды наймитов, "куют орала на мечи", неистово желают русскому народу погибели. Лучше бы Путину в своё время не спасать христопродавца Собчака от тюремки, а вручить в руки правосудия: глядишь, и душу бы сохранил грешнику и семью бы его облагоразумил на будущее.

Проныра Чубайс ходит по Кремлю гоголем, присматривая, что бы ещё поделить меж товарищи, а в это время престарелый герой России полковник Квачков томится на тюремной "шконке". Мистер Табуреткин вместе со своей красоткой переваривают лихо уловленные миллиарды, а русский философ Юрий Петухов, затурканный бесконечными следствиями, лежит на Ваганьково. И примеров тому тьма. Миллионы людей хотели бы знать, что за странная тяга у господина президента к Анатолию Чубайсу и как надо так не любить свой народ, чтобы столько лет держать всеми презираемого либерала возле ноги, как гонного пса. Нынче на Руси дворных собак награждают кличкой: "Чубайс". Владимир Путин любит великого Даля, листает его словари и, наверное, не раз натыкался на русское присловье: "Крещёный еврей, что кормленый волк". И потому, наверное, и обихаживает, прикармливает Чубайса, чтобы изголодавшиеся, сбежавшиеся в стаю волки, не загрызли… Но верность кагалу принимается ими, как слабость. А простой народ гадает на картах, на четверговую соль и на крещенскую воду, что такое, необычное, мистическое, потустороннее связывает этих людей, крепче манильского троса, и всякие догадки тут приходят на ум, отчего почтение к президенту вянет, как трава под "плящим" солнцем.

Алексей, ты спрашиваешь, о чём я нынче молчу; мол, хочу сказать и держу себя на вязке? Хотелось бы порассуждать о самоизоляции. Как говорили древние: "Наша одежда не по ним, их одежда не по нас, каждый народ в своей одежде ходит". Разумная самоизоляция спасительна. Если бы не было железного занавеса, Советский Союз рухнул бы лет пятьдесят назад. Если бы мы не открылись в восемьдесят пятом при этом щелкопере Горбачеве, великое государство стояло бы и поныне. Горбачёв сам заявил по телевидению на всю страну: "Я, Шеварнадзе и Яковлев ещё в восемьдесят втором году объединились в тайную организацию, чтобы разрушить Советский Союз". (Наверное, был в подпитии гражданин, иль в расслабленном состоянии ума.) Хватило трёх подпённых жуков-короедов, чтобы источить могучее древо изнутри.

Нельзя открывать хозяйские ворота во двор нараспашку, скоро налезет со своим уставом всякая гиль и тля, и ловко, по-разбойничьи, всё переворошит, вывернет изнанкою, наведёт всякого сраму и глума. Протестант император Пётр Первый лишь окно в Европу приоткрыл, и сколько дичи, жадно щелкая клювами, сразу налетело в наши пределы, до сей поры Россию трясёт от лихоманки. Но гостевую, парадную дверь не стоит запирать на щеколды: милости просим на чашку чая и рюмочку сливянки, а ночевать пожалуйте к себе домой.

Хотелось бы порассуждать о просвещённом православном национализме великого русского народа. Для наших политиков-космополитов-менеджеров, пролезших в Кремль, всякая мысль о национализме, что встреча с крокодилом на берегу Амазонки: сразу глаза наперекосяк, уши топориком, спина в испарине. Как бы не подслушал кто и не донёс по инстанции: взрастили же шишигу на своё несчастье и сейчас он пожирает будущее нашего отечества. "Ой, только не это, а вдруг что… да это такой ужас… привидится коли, сойти с ума, не заснуть". Национализм Израиля, Америки, Японии, Китая – это прекрасно, там же цивилизация, мировая культура, а в России одни пьяницы, балбесы и лентяи, прожигающие жизнь на русской печи, – хуже негров и папуасов. Никто на свете ещё не живал даже минуты при русском национализме, но при малейшем упоминании сразу протяжный тоскливый волчий вой на все пределы. А ведь все народы мира, малые и великие, опираются на своё национальное чувство; убери эту истовую любовь, сердечный поклон матери-сырой земле и к своим предкам – и в короткое время племя истечет в небытие. Этим-то и похожи все племена, – необоримой тягою к своему роду. Традиции и обряды куда сильнее придуманных законов. Национализм – самая древняя мировая религия, единственно духовная, мистическая, лишенная материального умысла и эгоистического кабального смысла, религия спасения. Все остальные верования, ныне существующие в мире, – умственные и лишь приложены, приставлены на подпорках к первобытному духовно-космическому неиссекновенному чувству. Его-то глубины, его необходимости, Алексей, мы и не хотим понять, но сразу стараемся отвергнуть, оттолкнуть от себя, чураемся, как проказы, уже сотни лет исповедуя антисистему, уходя всё дальше от истоков нашего всеобщего родства, и тем погубливая имя своё и свою историю. И это, увы, не просто красивые слова, но сущность спасения. А в патриотизме, которому либеральные власти отдают ныне дань, кроется нечто умышленное, расплывчатое, как бы пронизанное угарным дымом, отодвигающее от национальной русской общности в страну забвения, когда за иностранным словом скрыт сам объект поклонения и защиты, его историческая глубина, его смыслы, его особенность, его образ, его поведение и божественные смыслы. Вроде бы термин внешне понятен, патриот – защитник отечества, поклонник государства, – но он безлик, в нём не струит "национальная кровь". И не случайно Лев Толстой выделил странность патриотизма, напомнил его тайную умышленность, что "патриотизм – это последнее прибежище негодяя", когда отступнику и клятвопреступнику уже некуда деваться, и он скрывается за "приличными одеждами" патриота, которые впору всем. Он напяливает сюртук патриота, в груди оставаясь прежним негодяем, лицемером и ханжой. Вышел из партии, следующим днём ступай в церковь, чтобы не опоздать, не остаться без места, а пооглядевшись, выбрать более выгодный прикров. И всё время на словах оставаться патриотом, предавая и презирая ближнего.

А.Ш.: *Безусловно, тут вы правы, если не зачеркиваете всей глубины Православия, необходимого для России. Ибо, как сказал митрополит Иоанн Санкт-Петербургский и Ладожский: "Россия без Христа – Богу не нужна!" И стоит всей душою отдаться частному, как тут же рассыпается весь дом. А "дом, разделившийся в себе, не устоит". Увы, много искушения для слабого, мало знающего человека, окунуться в соблазны со всей истовостью, забывши о коварстве тёмного омута…*

В.Л.: Как во времена "ереси жидовствующих", борьба меж стяжателями и нестяжателями разгорелась с новой силою, только с иным толкованием и содержанием и из церковного обряда сметнулась в общество, в его сердцевину, разрушительно разогревая изнутри, ибо либералы, заместив собою Бога, с легкостью поглощают любое шаткое сердце и вербуют в поклонники "золотой кукле".

Да и к тому же живём нынче по лживым, суетным мифологемам: "Война не закончилась, пока не захоронен последний солдат". Абсурд, лишенный всякой логики. На Бородинском поле, к примеру, сорок семь тысяч павших русских героев лишь поздней осенью стащили с поля боя кокотами в овраг и там сожгли в огромных кострах, а пепел закопали. Но разве их безымянный подвиг потускнел, иль истончился образ солдата? Разве измельчился подвиг сталинградцев, когда живые ходили по мертвым, вмерзшим в лёд, чтобы под обстрелом достать из ручья фляжку воды? Таковы печальные картины каждой войны, а Россия вынесла на себе сотни сражений. И вот нынче отыскивают по лесам погибших шестьдесят лет назад, черные неведомые кости бросают в ящики, как дрова, чтобы снова зарыть под рыдания медных труб, и вскоре снова потерять усопших, а после снова раскапывать, вроде бы руководствуясь православным чувством. Лихие беззастенчивые парни отыскивают оружие, приводят его "в боевое состояние", способное убивать своих ближних. А ведь совсем рядом доживают свой срок деревенские старики и старухи, одинокие, печальные, нищие, зарастают дурниною поля, новый лес густо встаёт над людской памятью, скоро выпивает погосты, и никому нет дела до изжитых и немощных, ибо молодые московиты "убиваются" над безымянными костями. А ещё ждут утонувшие в морях и на переправах, уморенные в немецких лагерях смерти, растерзанные бомбами, раздавленные танками. Деревенские погосты, поросшие лесом. Боже мой, сколько нарочитой работёнки спущено фарисеями сверху, чтобы возбудить, якобы, национальное чувство, но, увы, "некрофилия" не пробуждает сострадания, но неслышно замораживает душу.

Правда бытия: живые бродят по костям мёртвых, не сознавая о том. Война подбирает не только погибших на передовой, но и живых. Миллионы скончались от ранений, от болезней в госпиталях, в тылу "на втором фронте", умирали у станка и на пашне, от тоски и одиночества, от голода и тяжкого труда, и тех жальников уже нет, их выпила мать-сыра земля, как нет и выселков, деревень, сёл и полустанков. Скоро сиротеет в запустении русская земля, а мы копаем с усердием вытлевшие кости, пренебрегая живыми. Такова философия либерала.

Говорят, что у нас нет идеологии, не записана в конституции, живём, как на душу Бог (или дьявол) положит, дескать, идеология убивает "права человека", ставит его под ружьё, оскотинивает, высушивает личность, отбирает индивидуальность, выскребает ту самую "изюминку", что и делает из аморфного первобытного существа хомо сапиенс… Хотя без умысла и замысла Божия и птичка не чирикнет. И вот с усердием, противясь православной этике, восстав против Бога, упорно вчинивают в русское общество нравы потребления в виде образов и лозунгов, и ложных мифологем. Притесняя ближнего, восклицают: "Никто не забыт и ничто не забыто". Хотя бездушная элита строит своё будущее на тщательно скрываемой философии менялы и шкурника: грабь награбленное, всё перетрётся-перемелется, скоро забудется, чёрное станет белым, а бесчестие правдою.

А.Ш.: *Я не совсем с вами согласен… Человеческие кости – это не скотские, не звериные. Это и не кости даже, это – останки. Каким-то образом, нам неведомым, они порою превращаются в святые мощи. Даже не всегда за праведную жизнь, не за подвиги (нам, во всяком случае, неведомые). А как бы просто так, по случаю. И тут особая, вне человеческого разумения, тайна. Народ решил, – и точка. Я тут даже не говорю о Царской семье, останки которой якобы нашли в Ганиной яме... Но вот вы сами рассказывали о вашем поморском чуде, как под деревней Верколой на реке Пинеге в семнадцатом веке был убит грозою пастушонок Артемий двенадцати лет. Он не совершил никаких добрых деяний (нам во всяком случае – неизвестно), подвигов, никого не спас и никому не принёс благ, кроме того, что помогал отцу-матери пасти скотину. И вот через несколько лет вырыли его мощи, а они благоухают, светлые, нетленные. Стали крестьяне им поклоняться, и по молитвам приходила помощь. Так был вылечен Артемием Веркольским сын воеводы Пашкова. Пашков, мезенский воевода, поставил деревянную церковь, после возник монастырь, и Артемий Веркольский был признан крестьянами поначалу местночтимым святым, и скоро слух о нём достиг столицы и Царского двора, и над мощами деревенского мальчика был воздвигнут собор.*

В.Л.: Целитель святой Пантелеймон тоже был ребёнком. Я не смею тут рассуждать, погружаться в мистические глубины, досюльные предания. Это особые розмыслы, требующие церковного знания и глубинного понимания святоотеческих писаний, которого у меня нет. Я не отрицаю божественной связи духа и плоти, таинственного сопряжения родственных чувств с матерью-землею, тоски и мук, не исчезающих и после смерти.